

мне несколько раз прослушать «Запорожца за Дунаем» (конечно, бесплатно, денег-то не было).

Сергей играл для посетителей столовой бесплатно, но зато целый день был сыт.

Немцы ремонтировали автомашины, русские им помогали. Чувствовалось приближение фронта, но о побеге не могло быть и речи. Некуда было бежать.

В центре городка была квадратная площадь со сквериком, там росли молодые деревца и стояли садовые скамейки. Как-то в воскресенье – уже в марте 44-го года, я сидел на скамейке и курил. Пригревало солнце, на соседней скамейке сидел немец и пытался прикурить, но спички кончились. И он на чистом русском языке сказал: «дай прикурить». Я дал ему прикурить, разговорились. Он рассказал, что попал в плен к немцам под Смоленском в 42-м. Побывал в лагере, изголодался так, что согласился на службу у немцев и одел форму. Сам москвич, зовут Дмитрий Соколов, служит автослесарем в мастерской, винтовки в руки еще не брал. Немцы ценят его за то, что по звуку мотора может определить его неисправности. Проработал полгода и получил положенный отпуск на две недели. Мог поехать в любое место, но немецкого языка не знает и приехал в Яворов, где стояли в 1941-м, когда был красноармейцем. Здесь познакомился с девчонкой. Во время нашей беседы к нам подошел немецкий патруль: два немца в касках, с винтовками, на груди у них висели овальные бляхи с надписью «фельджандармерия». Они проверили у него документы, молча отдали честь и пошли дальше.

В том же скверике как-то ко мне подошел развязный молодой парень, закурили, разговорились. Назвал он себя Владимиром Гвоздевским. Стал расспрашивать откуда я, как сюда попал. Я рассказал ему свою историю, службу в армии, первое ранение, плен, опять в армии, второе